

прежде всего особенным

СОВЕТСКОМ ПИСАТЕЛЕ

Жену Хармса сыграла литовская актриса Айсте Диржюте.

Квартира Ювачева. Видна рука мастера — художника-постановщика Владимира Светозарова.

притрутся друг к другу, — а смена-то дорогая! Зато потом, в конце, они выдали мне настоящий результат. Дариусс Гумаускас (он сыграл Якова Друскина) сказал мне потом: «Молодец, Иван, Терпел!» Но отпускать управление тоже нельзя, потому что тебе тогда весь фильм разнесут. Проблем, конечно, все равно полно, и я до сих пор не знаю, получилось или нет...

— Расскажите, как вы взяли Войцеха Урбаньского на роль Хармса.

— Хармса нужно было найти прежде всего, на него уже нанизывались все остальные персонажи. Какой будет Хармс, такой будет и фильм.

А Хармс должен быть прежде всего особенным. Инаким. У нас всегда к «инаким» относились не очень хорошо. Так может быть в любой стране, но у нас это какое-то наследственное. Так что мне нужно было породистое интеллигентное лицо, при этом в нем что-то должно быть чуждое. И на Новый год, 31-го числа, я нашел Войцеха — увидел его на фото в Интернете. Потом рискнул и пригласил его на пробы. Это был большой риск — у меня уже не было запасного варианта. Он приехал, сыграл, но он был совершенно не похож на Хармса. И тут помогла Надежда Толубеева, его сокурсница, которая в фильме тоже снимается. Она сыграла с ним сцену — и вдруг получилось. Тут же подобрали грим. Сделали ему прическу, чтоб череп был удлиненный, как у египетских фараонов. А дальше Войцех так включился в роль, что остальное уже потянулось следом.

«ОН ОЧЕНЬ СИЛЬНЫЙ, СИЛЬНЕЕ МЕНЯ»

Наконец появляется возможность поговорить и с самим героем. Заходим в камеру. Войцех УРБАНЬСКИЙ сидит на нарах в кальсонах и рубашке. Он и впрямь похож на Хармса — очень худ, очень бледен (в слабом свете подвала непонятно, грим это — или природные данные). Обстановка, в общем, располагает к беседе... Или к допросу.

— Вы читали Хармса до этих съемок?

— Мало. После того как мы стали общаться с Иваном — конечно, прочитал как можно больше. В Польше Хармс вообще не очень известен. «Старуху» знают, стихи — но знакомо с ними очень немного людей.

— Но вы занялись им серьезно?

— Вообще это был длительный процесс. Сначала Ваня предложил мне роль, потом я читал сценарий, пытался понять роль, что я могу с ней сделать. Когда я прочитал дневник и записные книжки Хармса — какие-то моменты мне стали гораздо понятней.

Потом, в этой истории играет большую роль Петербург: для меня и для Хармса очень важный город. Я здесь учился и всегда меч-

тал поработать здесь, приезжать сюда, не расставаться с Питером.

— Хармс сам был настолько противоречивый человек, изломанный... Как вы его поняли?

— Он весь был из противоречий. Совсем не сладенький человек. Очень глубоко верующий. Но это не мешало ему изменять жене, Марине Малич, направо и налево — какая-то болезненная половая жизнь. Боялся ходить на похороны, боялся даже пожилых людей. Дети его обожали, а он их ненавидел. Может быть, оставшись сам ребенком, он чувствовал с их стороны конкуренцию и поэтому не любил.

Да еще эта психическая болезнь... Мне кажется, она была, но он ее еще и утрировал — чтобы, например, не служить в армии. Не из трусости — это была принципиальная пацифистская позиция.

— За это его и уничтожили?

— И за это тоже. Детские его стихи были признаны вредными. Но при этом он ведь

комых петербуржцев, и я слышу, как отличается эта интеллигентная петербургская речь даже от приезжих из Москвы или из Омска. Поэтому даже если я буду озвучивать — мне нужен будет какой-то настоящий петербуржец, хороший актер, который будет исправлять мою интонацию.

— Интересно, а вы чувствуете то, о чем говорит Иван? Что сейчас время для «Хармса» пришло?

— Во-первых, в каком-то смысле можно ощутить цензуру. Какие-то моменты, о которых в Польше мы никогда не задумались бы: можно ли сказать в кадре то или иное слово, можно ли быть полураздетыми. Здесь это есть. Мои театральные знакомые говорят об этом же. Когда я учился здесь с 2006 по 2011 год, этого еще не было.

И какой-то страх у людей появляется. Страх будущего, неуверенность в завтрашнем дне. Но это есть и в Польше, и повсюду в мире.

Невесело призадумавшись, покидаю ленфильмовские «Кресты». Тут мне достается шанс побеседовать с художником-постановщиком Владимиром СВЕТОЗАРОВЫМ — он только что прибыл на площадку.

— Говорят, что вам при небольшом бюджете удалось сделать что-то невероятно красивое...

— Это все благодаря художнице Марине Николаевой, с которой мы работаем двадцать лет подряд. Мы лишь робкие исполнители.

Когда я прочитал сценарий, я был в искреннем восторге от того, как можно развернуться. Ленинград 30-х, улицы, быт, нравы, загадочная фигура Хармса... Давно не попадалось такого сценария, в основном бездарные сериалы. А тут мы взяли за работу, изучали, рисовали... Но потом пришлось ограничивать аппетиты — не стали снимать улицы, пивную... Остались квартира Хармса, тюрьма, кладбище и завод «Красный треугольник» в роли всего Ленинграда.

Хармс был специфическим человеком, не очень приятным. В квартире у него все стены были расписаны лозунгами вроде «Дом уничтожения детей». У него стоял сундук, оклеенный голыми женщинами. Последний раз я такое видел, когда служил в Советской армии — такой был дембельский чемодан. Сундук этот мы, правда, не сделали...

В общем, квартира должна быть произведением искусства — с расписанными абражурами, с изобретенной лично Хармсом «словесной машиной»: дергаешь ее за рычаг, и вываливается записка.

Еще в воспоминаниях его подруги Марины Дурново есть про то, как они, выпив пивка, красили стены в розовый цвет. Этакими короли ленинградского дна, я похожих людей хорошо знал. На полу, наверное, стоял «Телефункен», играла зарубежная музыка... И Хармс в желтых штанах.

Федор ДУБШАН
Фото: Михаил ПАВЛОВСКИЙ;
Михаил САДЧИКОВ-младший

Охранники в перерыве между съемками оказались симпатичными ребятами.

не боролся с властью, не был героем-оппозиционером! Ему просто было не разрешено жить и творить. Главная его борьба — с самим собой. Он человек-парадокс. «Мне дано все, чтобы жить возвышенной жизнью. А я гибну в лени, разврате и мечтании» — из его записных книжек.

Он очень сильный человек. Сильнее меня. Я думаю, что если бы меня не признавали столько лет — я бы занялся чем-то другим. А и он, и Введенский, и другие обэриуты продолжают делать свое литературное дело, считают это важным.

— Вы прекрасно говорите по-русски, акцент почти незаметен. Сами будете озвучивать своего героя?

— Я сам не знаю, что лучше для фильма. С одной стороны, хотелось бы и озвучить. С другой — я осознаю недостатки своей речи. Дело даже не в акценте, а в интонациях. Мне хотелось бы, чтобы Хармс говорил более твердо, четко, чем я. У меня ведь есть много зна-

Войцех в камере и впрямь похож на Хармса.